

Вадим Изотов

Звёздные Врата продолжение

SG-1™

Вадим Изотов

Звёздные Врата продолжение

<https://litres.ru/74598367>

SelfPub; 2026

Аннотация

В центре сюжета рассказов — секретное подразделение ВВС США под кодовым названием SG-1. С помощью древнего инопланетного артефакта «Звёздные врата», создающего пространственные червоточины для мгновенных путешествий через космос, команда исследует далекие миры. В состав элитного отряда входят: прагматичный полковник Джек ОНилл, гениальный археолог Дэниэл Джексон, блестящий астрофизик Саманта Картер и Тилк — могучий воин-джаффа, предавший своих хозяев ради свободы.

Главная миссия SG-1 — поиск союзников и передовых технологий для защиты Земли от смертельной угрозы. Основными врагами человечества выступают гоаулды — раса паразитов, поработившая множество цивилизаций в галактике и веками выдававшая себя за древних земных богов (от египетских до скандинавских).

Вадим Изотов
Звёздные Врата
продолжение

Глава 1

СТОП-КАДР

Часть I. Застывший мир

Врата выплюнули их в тишину.

Не в ту тишину, которая бывает в пустой комнате или в лесу перед рассветом. Нет. Это была тишина застывшего крика, тишина, в которой звук не умер, а просто не успел родиться. Полковник Джек О'Нилл первым шагнул на каменную платформу и замер, не успев поднять оружие.

Перед ним стояла деревня. Или то, что было деревней. Глинобитные дома с плоскими крышами, вымощенная булыжником площадь, колодец с покосившимся журавлём. Обычная картина для сотни миров по эту сторону Врат. Необычным было то, что посреди площади, в тридцати шагах от колодца, застыл бой.

Джек моргнул. Моргнул ещё раз. Повернул голову влево, вправо, словно проверяя, не глючит ли зрение.

— Картер, — сказал он негромко. — Скажите мне, что я не вижу того, что вижу.

Саманта Картер вышла из-за его спины с автоматом на изготовку, и тоже остановилась. Её губы шевельнулись, но звук не шёл наружу. Она просто стояла и смотрела.

Посреди площади застыли два десятка фигур. Шестеро джаффа в чёрных доспехах с поднятыми посахами, пасти зевот разинуты в беззвучном крике. Напротив них — ополченцы в стёганных куртках и кожаных нагрудниках, копья выставлены вперёд, жилы на шеях вздулись от натуги. Между ними, в полутора метрах от ближайшего ополченца, висел в воздухе сгусток оранжевого света. Энергетический залп. Не долетевший. Не взорвавшийся. Просто — висящий. Как капля мёда, застывшая на кончике ложки.

А в метре от этого сгустка, чуть правее, стояла девочка. Лет восьми. В сером платье с вышитым подолом. Босая. Руки прижаты к груди, глаза широко раскрыты. И ни единого движения. Ни вдоха. Ни трепета ресниц.

— О, — произнёс Дэниел Джексон, выходя из Врат последним и едва не налетев на Тил'ка. — О, это... это интересно.

— «Интересно», — повторил Джек. — Дэниел, там энергетический снаряд висит в воздухе. В метре от ребёнка. И вы говорите «интересно»?

— Я говорю, что это неестественно, сэр, — Картер наконец обрела голос. Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, наклоняя голову, рассматривая застывших джаффа. — Посмотрите на них. Не двигаются. Вообще. Ни грудная клетка,

ни зрачки. Как будто...

— Как будто кто-то нажал на паузу, — закончил Джек.

— Именно так, сэр. Как будто кто-то нажал на паузу.

Тил'к вышел из Врат бесшумно, несмотря на свой рост и вес. Его брови сошлись к переносице — жест, который за семь лет совместной службы Джек научился читать как целую речь. Сейчас брови Тил'ка говорили: «Мне это не нравится, но я пока не знаю почему, и это мне не нравится вдвойне».

— Полковник О'Нилл, — произнёс Тил'к своим глубоким, размеренным голосом. — Я наблюдал многие чудеса. Но ни разу не видел, чтобы остановилось само время.

— Может, это не время, — Картер уже достала из разгрузочного жилета сканер — плоскую коробочку с экраном, которую она собрала в лаборатории на базе и которую Джек про себя называл «картер-фон». — Может, это поле. Статичное поле. Или временная петля локального действия. Мне нужны замеры.

— Картер.

— Сэр?

— Прежде чем вы начнёте тыкать приборами в застывших джаффа, давайте уточним: они не очнутся от того, что вы к ним подойдёте?

Картер посмотрела на него. Потом на джаффа. Потом снова на него.

— Сэр, если бы они могли очнуться, они бы уже очну-

лись. Это поле действует на всё в радиусе... — она покрутила ручку настройки, прищурилась на экран. — Примерно сорок метров. Всё, что внутри, остановлено. Абсолютно.

— Включая свет?

— Что, простите?

— Снаряд. Он светится. Свет — это фотоны. Фотоны движутся. Если время остановлено, фотоны не должны двигаться. А он светится. Значит, время не остановлено. Значит, что-то другое.

Картер открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Сэр, вы сейчас только что поставили под сомнение базовую теорию ста...

— Я поставил под сомнение, что мы можем спокойно ходить вокруг них, пока вы не выяснили, что это. — Джек обвёл взглядом площадь. Его пальцы привычно лежали на рукояти П-90, но он не поднимал оружие. Не было нужды. Не в кого было стрелять. Пока. — Ладно. Картер, выясняйте. Тил'к, вы со мной. Обойдём по периметру. Дэниел, не трогайте ничего и не подходите ближе чем на пять метров.

— Но я хотел рассмотреть узоры на...

— Пять метров, Дэниел.

— ...на доспехах. Там символы, которые я видел в тексте на...

— Пять. Метров.

Дэниел поднял руки в примирительном жесте и отошёл. Но его глаза уже бегали по фигурам, губы шевелились, счи-

тывая, сопоставляя. Джек знал этот взгляд. Дэниел уже работал. Просто молча.

Тил'к двинулся вдоль границы площади, и Джек пошёл рядом. Они двигались привычной парой: Тил'к прикрывал правый фланг, Джек — левый. Семь лет бок о бок выработали этот ритм до автоматизма. Ни слова не нужно было. Только лёгкий кивок, когда Тил'к заметил движение в переулке — нет, не движение. Просто тряпье на верёвке, застывшее в нелепом изгибе. Ветер тоже застыл.

— Полковник О'Нилл, — Тил'к остановился у угла дома, глядя на ближайшего джаффа. Тот стоял боком, посох поднят под углом, тело развёрнуто в выпаде. — Этот воин служил Апофису. Я узнаю клеймо на нагруднике.

— Апофис мёртв.

— Его последователи — нет. Но доспех... — Тил'к наклонился, вглядываясь. — Этот доспех стар. Очень стар. Такие носили до падения Апофиса. Задолго до.

— Насколько задолго?

— Не знаю. Но клеймо стёрто. Значит, прошло достаточно времени, чтобы металл изнашивался. Годы. Может, десятилетия.

Джек присвистнул сквозь зубы.

— То есть этот бой мог застыть... когда? Десять лет назад? Двадцать?

— Или вчера, — сказал Тил'к. — Если поле остановило всё, включая износ, мы не можем судить по состоянию ме-

тала.

— Прекрасно. Значит, мы не знаем, сколько они тут стоят. Не знаем, кто стрелял. Не знаем, почему. — Джек провёл ладонью по лицу. — Картер!

— Сэр! — Её голос донёсся из-за колодца, где она уже разложила на камнях два прибора и что-то быстро записывала в блокнот. — У меня первые данные. Это не стазис. Не петля. Это поле инерциального подавления. Кто-то сгенерировал волну, которая обнулила кинетическую энергию всего в радиусе сорока метров. Всё, что двигалось, остановилось. Мгновенно.

— И сколько это продержится?

Картер замолчала. Её карандаш перестал чертить по бумаге.

— Картер.

— Поле нестабильно, сэр. Я вижу колебания амплитуды. Частота падает.

— На сколько падает?

— Я считаю. Дайте мне... — Она закусил губу, быстро перелистнула страницу. — Если скорость затухания линейная, поле схлопнется через сорок минут. Может, чуть меньше. Если нелинейная — через тридцать.

— И когда оно схлопнется?

— Всё, что было остановлено, продолжит движение. С той же скоростью и в том же направлении.

Джек посмотрел на сгусток оранжевого света. На девочку

в метре от него. На её босые ноги, на прижатые к груди руки.

— Сорок минут, — повторил он. — У нас сорок минут, чтобы убрать ребёнка с линии огня.

— И всех остальных, сэр. Залп не один. Я насчитала три источника энергии в процессе генерации. Если поле падёт, трое джаффа выстрелят одновременно.

— Отлично. Просто отлично. — Джек повернулся к Картер. — Заходим и вытаскиваем их.

— Сэр, есть проблема.

Он ждал. Картер всегда говорила «есть проблема» перед тем, как сообщить что-то, что ему не понравится. За семь лет он научился распознавать эту интонацию. Лёгкая заминка. Чуть опущенный взгляд. Как у студента, который собирается сообщить профессору, что его теория неверна.

— Поле пропускает объекты, — сказала Картер. — Но не все. Я провела тест — бросила камень в зону. Он прошёл. Потом бросила нож. Он отскочил. Как от стены.

— Поле фильтрует объекты.

— Да. По кинетическому потенциалу. Всё, что несёт в себе энергию, способную причинить вред, не проходит. Оружие, боеприпасы, взрывчатка. Даже заряженный мобильник, если в нём достаточный заряд. Поле их просто отталкивает.

Джек медленно повернул голову и посмотрел на свой П-90. Потом на Картер. Потом снова на П-90.

— Вы хотите сказать, что я не могу войти туда с оружием.

— Я хочу сказать, что никто не может. Ни с оружием,

ни с гранатами, ни с каким-либо устройством, способным стрелять, резать или взрываться. Поле настроено на пропуск только...

— Только безоружных.

— Да, сэр.

Тишина. Не та, застывшая, что царила на площади. Другая. Тяжёлая, рабочая тишина, в которой Джек О'Нилл переваривал информацию и решал, как с ней жить.

— Значит, я захожу туда с голыми руками.

— Фактически да.

— И я должен буду... что? Перетаскивать джаффа голыми руками?

— Людей можно перемещать. Поле не фиксирует объекты внутри, оно только поддерживает их кинетическое состояние. Если изменить положение тела, оно останется в новом положении. Но энергетический залп... — Картер покачала головой. — Залп трогать нельзя. Это чистая энергия. Любое воздействие может его дестабилизировать, и он детонирует раньше времени.

— То есть мы не можем убрать залп. Но можем убрать людей с его пути.

— Да, сэр.

— И мы должны сделать это за... — он глянул на часы, — ...тридцать семь минут. Без оружия. Голыми руками.

— Так точно.

Джек посмотрел на площадь. На джаффа с поднятыми по-

сохами. На ополченцев с копьями. На девочку. На залп.

— Знаете, Картер, — сказал он негромко, — за двадцать лет службы я стрелял, взрывал, летал, падал, тонул и один раз, кажется, умер. Но ни разу мне не приходилось входить в зону активного боя без единого патрона.

— Когда-нибудь бывает впервые, сэр.

— Не утешайте меня.

— Я и не думала, сэр.

Часть II. Шахматы без фигур

Они совещались у Врат. Коротко, по-военному, но с тем привкусом непредсказуемости, который неизменно сопровождал любую операцию SG-1.

— Итак, — Джек чертил палочкой на земле. Прimitивная карта: круг площади, точки фигур, стрелки залпов. — У нас три залпа. Картер, траектории?

— Первый идёт сюда, — она ткнула в точку. — Прямо в группу ополченцев. Четверо на линии. Второй — сюда, под углом тридцать градусов. Задевает двоих и стену дома. Третий... третий направлен на девочку.

Все замолчали. Третий залп. Тот самый, оранжевый, ви-сящий в метре от босых ног.

— Я рассчитаю, кого и куда нужно переместить, — сказала Картер. — Чтобы все оказались вне линий огня. Но, сэр, там двадцать три человека. И шестеро джаффа.

— Сколько времени на одного?

— Зависит от веса. Ополченцы в стёганках — килограммов семьдесят-восемьдесят. Джаффа в доспехе — за сто двадцать. Плюс доспех сковывает суставы, они как куклы в футлярах. Перетащить джаффа в одиночку... сложно.

— Тил'к справится, — сказал Тил'к.

Все посмотрели на него. Он стоял, скрестив руки на груди,

и его лицо было невозмутимо, как скала.

— Я перенесу джаффа. Одного за раз. Но мне нужно знать, куда нести.

— Я дам координаты, — кивнула Картер. — Дэниел, мне нужна ваша помощь.

— С чем?

— Я не знаю, кто из ополченцев на чьей стороне. Там три группы: те, что бьются с джаффа, те, что бьются друг с другом, и те, что просто оказались посередине. Если я переставлю не тех, мы получим новую линию огня.

Дэниел кивнул. Его глаза уже горели тем самым лихорадочным блеском, который появлялся, когда он видел незнакомые символы.

— Я видел узоры на их куртках. Там есть система. Цвета нитей, расположение вышивки. Дайте мне две минуты, и я скажу, кто есть кто.

— У вас тридцать четыре минуты на всё, — сказал Джек. — Две на узоры, тридцать две на перестановку. Картер, расчёт траекторий?

— Уже считаю. Мне нужно пять минут.

— У вас три.

— Четыре.

— Три с половиной. Итого: через четыре минуты мы заходим. Пары: я и Картер берём ополченцев. Тил'к — джаффа. Дэниел координирует, кто куда. Вопросы?

— Сэр, — Картер подняла руку, как на лекции. — Если

мы внутри поля и оно схлопнется, пока мы там...

— Мы не будем там, когда оно схлопнется.

— А если задержимся?

— Мы не задержимся.

— Полковник О'Нилл, — Тил'к склонил голову. — Я желаю отметить, что идея войти в зону боя без оружия противоречит всем инструкциям, которые я получал за сто лет службы.

— Понял тебя, Тил'к.

— Я не говорю, что не пойду. Я говорю, что вижу.

— Принято. Ещё вопросы? Нет? Тогда снимаем оружие. Всё. Ножи, гранаты, запасные магазины. Картер, ваш сканер?

Она посмотрела на прибор в руках. Посмотрела на поле. С сожалением, почти физически ощутимым, отстегнула его от пояса и положила на землю.

— Расчёты в блокноте, — сказала она. — Блокнот пройдёт. Бумага и карандаш — не оружие.

— Дэниел?

— У меня только очки и записная книжка.

— Тил'к?

Тил'к молча расстегнул крепление на запястье и снял свой посох. Положил его на камни у Врат. Потом снял нож с пояса. Потом ещё один, из голенища. Джек поднял бровь.

— Запасной, — пояснил Тил'к невозмутимо.

— Конечно. Запасной. У всех есть запасной. Ладно. Вперёд.

Поле ощущалось. Не как стена, не как барьер. Как... густота воздуха. Джек шагнул вперёд, и мир стал чуть плотнее. Не тяжесть. Не сопротивление. Просто ощущение, что ты идёшь не сквозь воздух, а сквозь что-то более вязкое. Как входишь в тёплую морскую воду.

И тишина стала абсолютной. Не просто отсутствие звука — отсутствие возможности звука. Воздух не вибрировал. Джек слышал только собственное дыхание и стук крови в ушах.

Первым, к кому он подошёл, был ополченец. Молодой парень, лет двадцати, с копьём, выставленным вперёд. Его лицо было перекошено от усилия, рот открыт в крике, которого не было. Жилы на шее натянуты, как струны. Пальцы на древке копья у него неестественно белели.

Джек обошёл его. Посмотрел на линию. Копьё смотрело в сторону джаффа, в шести шагах. Залп — левее. Не на этой линии. Но Картер сказала: первый залп бьёт в группу. Этот парень в группе.

Он взялся за плечи ополченца. Ткань куртки была грубой, жёсткой от засохшего пота. Тело — твёрдым, как дерево. Не тёплым, не холодным. Никаким. Как манекен.

Джек потянул. Парень не поддался. Не потому что тяжёлый — потому что поле держало его в пространстве, как в янтаре. Не фиксировало, но сопротивлялось. Джек упёрся ногами в брусчатку и рванул. Тело сдвинулось. На дюйм. На два.

— Картер! — крикнул он. Звук вышел глухим, сдавленным, будто он кричал через подушку. — Сколько мне его тащить?

— Три метра влево! — её голос донёсся откуда-то справа. — И полметра назад! Вон за тот угол!

Джек потащил. Семьдесят, может, восемьдесят килограммов живого веса плюс куртка, плюс копьё, которое он не мог отнять, — пальцы парня сжимали древко намертво. Копьё торчало вбок, цеплялось за брусчатку, за камни. Джек обогнул его, упёрся спиной в стену дома и толкал парня ногами, как толкают застрявшую мебель.

Тело поддалось. Сдвинулось. Ещё. Ещё.

— Достаточно! — крикнула Картер.

Джек отпустил. Парень остался стоять. В новой позе, нелепой, с копьём, торчащим в стену. Но вне линии огня.

Джек выдохнул. Посмотрел на руки. Ладони горели от грубой ткани. Поясница заныла.

— Один, — сказал он сам себе. — Осталось двадцать два.

Дэниел двигался между фигурами быстро, почти суетливо. Его очки съезжали на нос, он то и дело подталкивал их пальцем, бормоча под нос.

— Так, этот — нет, нет, у него синяя нить на вороте, это клан Керра, они на стороне ополчения... а вот этот, видите, красная кайма и три точки на груди — это наёмники, они сами по себе, их надо убрать в сторону, они не должны оказаться между джаффа и деревенскими...

Даниел не трогал фигуры. Только показывал, направлял, объяснял. Его роль была особой: он видел то, чего не видели остальные. Систему. Порядок в хаосе.

— Тил'к! — крикнул он. — Вот этот, в чёрном с золотым! Не трогайте его, он не из атакующих, он из охраны! Если вы его сдвинете, он окажется на линии второго залпа!

Тил'к, который уже взялся за плечи джаффа, замер. Посмотрел на Дэниела. Перевёл взгляд на узор на нагруднике.

— Вы уверены, Дэниел Джексон?

— Три золотых нити на плече. Охрана. Он не атакующий. Он просто стоял рядом, когда всё началось.

Тил'к отпустил джаффа. Обошёл его. Взялся за следующее.

Этот был крупнее. Шире в плечах. Доспех — толще, тяжелее. Тил'к обхватил его за торс, упёрся ногами и потянул. Джаффа сдвинулся. Медленно, со скрипом металла о брусчатку. Тил'к тащил его, как тащат раненого товарища с поля боя: бережно, но настойчиво. Не бросал, не толкал. Переставлял.

Джек наблюдал за ним краем глаза, волоча очередного ополченца. Тил'к двигался с той особой тщательностью, которую Джек видел у него только дважды: когда он нёс раненого ребёнка на ПЗХ-451 и когда разбирал свой посох для чистки. Бережность. Не потому что джаффа был хрупким. А потому что он был — свой. Бывший. Тот, кого Тил'к когда-то называл братом.

— Полковник О'Нилл, — сказал Тил'к, не оборачиваясь, продолжая тащить джаффа за угол дома. — Эти воины не знали, что умрут. Они просто шли в бой.

— Тил'к.

— Я не прошу жалости к ним. Я говорю, что они заслуживают быть переставленными аккуратно. Не как мебель.

Джек кивнул. Хотя Тил'к его не видел.

— Понял. Аккуратно.

Часть III. Пробуждение

Время шло. Джек чувствовал его не по часам — часы остались у Врат, в разгрузке. Он чувствовал его по тому, как ныла поясница. По тому, как горели ладони. По тому, как дыхание становилось всё более рваным.

Шестеро ополченцев. Он перетаскил шестерых. Трое за угол дома. Двое в сторону колодца. Одного — за спину джаффа, которого Тил'к уже передвинул. Шахматная партия. Картер рассчитывала, Даниел указывал, Джек исполнял. Каждое тело — фигура. Каждая позиция — клетка на доске.

— Картер, — прохрипел он, выпрямляясь после очередного рывка. — Сколько осталось?

Она стояла посреди площади, блокнот в руках, карандаш за ухом. Её волосы выбились из хвоста, на щеке было пятно от графита.

— Ополченцы — ещё четверо. Джаффа — трое. И... — она запнулась.

— И?

— Девочка. Она в метре от залпа. Её надо убрать. Но...

— Что «но»?

— Она ближе всех. И залп... сэр, я не уверена, что поле позволит нам сдвинуть её достаточно быстро. Она в зоне максимальной плотности. Чем ближе к источнику залпа, тем

сильнее инерциальное сопротивление.

— Переведите на человеческий.

— Её будет тяжело сдвинуть. Как будто она весит не тридцать килограммов, а триста.

Джек посмотрел на девочку. Серое платье. Босые ноги. Руки на груди. Глаза — огромные, тёмные, застывшие в выражении, которое он не мог прочесть. Не страх. Не боль. Что-то другое. Усталость, может быть. Или решимость.

— Я сам, — сказал он.

— Сэр?

— Я сам её возьму. Вы считайте траекторию. Куда мне её нести?

— За колодец. В тень. Там нет ни одной линии огня.

— Принято.

Он пошёл к девочке. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего. Не потому что поле сопротивлялось сильнее. Потому что с каждым шагом он видел её всё яснее. Тонкие запястья. Царапина на коленке. Тень от ресниц на щеке. Ребёнок. Застывший ребёнок в метре от смерти.

Джек остановился перед ней. Посмотрел в эти раскрытые глаза. И что-то в груди сжалось. Не жалость. Не сентиментальность. Что-то более древнее, более простое. Инстинкт. Тот самый, который заставляет закрыть ребёнка собой, когда рядом взрыв. Который не спрашивает разрешения у мозга.

Он наклонился. Просунул руки под колени и под спину. Обхватил. Тело было лёгким — тридцать, может, тридцать

пять килограммов. Но когда он потянул, оно не сдвинулось. Картер была права. Поле держало.

Джек упёрся. Зубы стиснулись. Мышцы спины заныли. Он потянул сильнее. Тело подалось. На миллиметр. На два. Как будто он тащил не ребёнка, а статую, вмурованную в пол.

— Давай, — прошипел он сквозь зубы. — Давай, маленькая. Нам надо отсюда.

Ещё рывок. Ещё. Девочка сдвинулась на полшага. На шаг. Джек шёл задом наперёд, пятясь к колодцу, неся её перед собой. Руки дрожали. Не от веса. От сопротивления поля. Каждый дюйм — как через густой мёд.

И тогда она моргнула.

Джек замер.

Он стоял посреди площади, держа ребёнка на руках, и его мозг отказывался обрабатывать то, что видели глаза. Девочка моргнула. Медленно. Тяжело. Как человек, который спал очень долго и только-только открывает веки.

Её ресницы дрогнули. Губы шевельнулись. И из них вырвался звук — тихий, сдавленный, как первый вдох после долгого погружения в воду.

— Держала... — шёпот. Едва слышный. — Я держала... сколько могла...

Джек не дышал. Позади него кто-то ахнул — Картер. Тил'к остановился, держа джаффа на плече. Дэниел выронил записную книжку.

Девочка смотрела на Джека. Её глаза были тёмными,

очень тёмными, и в них не было детского испуга. В них была усталость. Огромная, нечеловеческая усталость того, кто держал на себе что-то неподъёмное слишком долго.

— Ты... — Джек сглотнул. — Ты это сделала? Ты остановила?

Она кивнула. Едва заметно. Веки снова начали опускаться.

— Ген... — прошептала она. — Проснулся. Я не хотела... я просто не хотела, чтобы они... чтобы залп... чтобы...

Её глаза закрылись. Тело обмякло в его руках. Не умерла — Джек чувствовал дыхание. Слабое, частое, как у птицы. Но живое. Просто уснула. Или потеряла сознание.

— Картер, — сказал Джек. Голос был хриплым. — Картер, она...

— Я видела, сэр. — Картер подошла ближе. Её лицо было бледным. — Ген Древних. Ей, должно быть, было очень страшно, и ген активировался. Поле... поле не было оружием. Оно было...

— Криком о помощи, — закончил Дэниел тихо. Он подошёл, встал рядом, глядя на спящую девочку. — Она не создавала ловушку. Она создавала укрытие. Поле пропускало только безоружных, потому что ей нужна была помощь. Не солдаты. Не оружие. Помощь.

Тишина. Джек смотрел на девочку. На её тонкие пальцы, сжимающие ткань его куртки. На царапину на коленке. На босые ноги в пыли.

— Мы должны закончить, — сказал он. — Мы должны закончить перестановку. Она не сможет держать поле вечно.

— Сэр, — Картер посмотрела на блокнот. — У нас осталось девять минут. Может, меньше. Поле уже слабее, чем было. Я чувствую это по сопротивлению.

— Тогда работаем. Тил'к!

— Да, полковник О'Нилл.

— Три джаффа. Углы. Как договаривались.

Тил'к кивнул. Осторожно, почти нежно, уложил джаффа, которого нёс, за стену дома. Выпрямился. Пошёл к следующему.

Джек отнёс девочку за колодец. Положил на землю, в тень. Подложил под голову свою куртку. Она не проснулась. Дыхание было ровным.

Он выпрямился. Поясница прострелила болью. Плечи горели. Ладони были красными, в ссадинах.

— Осталось четверо ополченцев и трое джаффа, — сказал он. — Семь минут. Погнали.

Последние минуты были адом.

Джек тащил ополченца за ополченцем, не считая, не думая. Просто брал, тащил, ставил. Картер кричала координаты. Дэниел корректировал: «Не туда, сэр, этот из клана Серры, его нельзя ставить рядом с наёмниками!» Тил'к переносил джаффа, одного за другим, и каждый раз, беря в руки очередного воина в чёрном доспехе, замирал на долю секунды. Не вспоминал. Не оплакивал. Просто — признавал эту

реальность.

Последнего джаффа Тил'к нёс на плече, как несут бревно. Но когда ставил, положил осторожно. Выпрямил ему руки. Поправил нагрудник.

— Готово, — сказал он.

Джек стоял посреди площади, тяжело дыша. Руки висели плетью. Спина не разгибалась. В ушах звенело.

— Картер?

— Все вне линий огня. Все. Ополченцы — за стенами, за колодцем, в переулках. Джаффа — по углам, за домами. Никто не на траектории.

— Девочка?

— За колодцем. Вне зоны. Спит.

— Залпы?

— Не тронуты. Три сгустка висят там, где висели. Но они бьют в пустоту. В стены. В воздух. Ни в кого.

Джек кивнул. Посмотрел на часы, которые Картер сняла с разгрузки и держала в руке.

— Две минуты.

— Сэр, нам нужно выйти из поля. Когда оно схлопнется...

— Знаю. Все к Воротам. Сейчас.

Они побежали. Джек — последним. Оглянулся. Площадь была пуста. Фигуры стояли в новых позах, нелепых, рассредоточенных. Как шахматные фигуры после странной, непонятной партии. Но живые. Все живые.

Часть IV. Патовая позиция

Он пересёк границу поля. Воздух стал обычным. Тишина лопнула, как мыльный пузырь, и в уши хлынул звук: ветер, скрип тряпья на верёвке, далёкий крик птицы.

— Тридцать секунд, — сказала Картер.

Они стояли у Врат. Все четверо. Безоружные. Запыхавшиеся. Джек упирался руками в колени, пытаясь восстановить дыхание. Тил'к стоял прямо, но его грудь тяжело вздымалась. Дэниел протирает очки краем рубашки. Картер сжимала блокнот.

Десять секунд. Пять. Три.

Поле схлопнулось.

Не было звука. Не было вспышки. Просто — щелчок. Как лопнувшая струна. И мир дёрнулся.

Залпы ударили. Три оранжевых сгустка сорвались с места и полетели туда, куда были направлены. Первый — в стену дома. Кирпичи брызнули крошкой. Второй — в воздух, над колодцем, и рассыпался искрами. Третий — в пустую брусчатку, в то место, где минуту назад стояла девочка. Камень оплавился, почернел.

А потом — крики.

Джек повернулся. На площади стояли люди. Ополченцы. Джаффа. Все двигались. Все кричали. Но никто не стрелял.

Потому что не в кого было стрелять.

Джек прищурился. Посмотрел внимательнее. И понял.

Каждый джаффа стоял спиной к ополченцу. А каждый ополченец — спиной к джаффа. Вперемешку. Вплотную. Так, что повернуть оружие, прицелиться, ударить — невозможно. Не развернёшься. Не замахнёшься. Позади — враг, но враг стоит так близко, что любое движение означает подставить себя под удар.

Патовая позиция. Никто не может ударить первым, не получив удар в спину.

Секунду все молчали. Двадцать три человека на площади, застывшие в новых, нелепых позах. Джаффа с посохами, поднятыми в небо, потому что вниз бить нельзя — позади был человек. Ополченцы с копьями, торчащими в стороны, потому что вперёд бить было некуда — там стояла стена.

А потом кто-то — один из ополченцев, молодой парень в стёганке — медленно, неуверенно опустил копье. Положил на землю. Выпрямился. Посмотрел на джаффа за своей спиной. Джаффа посмотрел на него.

И тоже опустил посох.

Один за другим. Как костяшки домино. Копья ложились на брусчатку. Посохи опускались. Лязг металла. Стук дерева о камень. И тишина. Но уже другая. Живая. Дышащая.

— Они... — Дэниел не мог отвести глаз от площади. — Они просто... остановились.

— Потому что не могут ударить, — сказала Картер. — Не

физически. А потому что... потому что не видят смысла. Они стоят лицом к лицу. Без преимущества. Без первого удара. Без инициативы. И...

— И не знают, что делать дальше, — закончил Джек. — Потому что никто не научил их, что делать, когда не надо стрелять.

На площади кто-то заговорил. Тихо. Неуверенно. Ополченец и джаффа смотрели друг на друга и говорили. Не кричали. Не угрожали. Говорили. Джек не слышал слов, но видел жесты. Разведённые руки. Пожатие плечами. Кивок.

— Мы остановили войну, — сказал Дэниел. Он стоял рядом с Джеком, и его голос был тихим, почти благоговейным. — Не сделав ни выстрела. Ни одного. Это... это называется дипломатия.

Джек медленно повернул голову. Посмотрел на Дэниела. Потом на площадь. Потом на свои руки — красные, сбитые, дрожащие. Потом на поясицу, которая горела огнём.

— Это называется «ревматизм», — сказал он. И потёр поясицу. Поморщился. — У меня, кажется, диск сместился.

— Сэр, вам нужна медицинская помощь.

— Мне нужна горячая ванна и шесть часов сна. В таком порядке.

— Полковник О'Нилл, — Тил'к подошёл. На его лице было выражение, которое Джек за семь лет научился распознавать как подобие улыбки. Не улыбку, нет. Тил'к не улыбался. Что-то таилось в углах рта, в мягкости взгляда. — Вы пере-

несли семерых. Без оружия. Голыми руками. Это достойно уважения.

— Тил'к.

— Да, полковник О'Нилл?

— Если вы ещё раз скажете, что это «достойно уважения», я вас уволю.

— Вы не можете меня уволить. Я не в вашей команде формально.

— Я найду способ.

Тил'к наклонил голову. В его глазах мелькнуло что-то дружеское и тёплое.

Часть V. Эхо на Керане

Девочку нашли за колодцем. Она спала, свернувшись калачиком на куртке Джека. Дыхание ровное. Губы чуть открыты. На щеке — та же тень от ресниц. Но лицо было спокойным и живым.

Картер присела рядом. Осторожно, кончиками пальцев, коснулась тёплого лба.

— Ген Древних, — прошептала она. — Ей лет восемь. Может, меньше. Ген проснулся от страха. И она... она просто хотела, чтобы все перестали воевать. Чтобы никто не умер. И поле дало ей то, что она просила. Остановку. Паузу. Время, чтобы кто-то пришёл и помог.

— И поле впускало только безоружных, — сказал Дэниел. Он сидел на корточках с другой стороны девочки, глядя на неё с той мягкой, печальной нежностью, которая появлялась у него всегда, когда речь шла о детях. — Потому что ей не нужен был солдат. Ей нужен был тот, кто переставит людей. Уберёт их с линии огня. Не убьёт врага. А просто... уберёт.

— Шахматы, — сказал Джек. Он стоял, засунув руки в карманы, и смотрел на спящую девочку. — Не война. Шахматы. Фигуры не умирают. Их просто переставляют.

— Да, сэр.

— Ей было восемь лет. И она придумала шахматы вместо

войны.

Никто не ответил. Не нужно было.

Они просидели у Врат ещё час. Ждали, пока девочка проснётся. Джек снял с себя запасную куртку из рюкзака — у каждой группы был аварийный запас, и сегодня он впервые порадовался, что таскал этот лишний вес. Накрыл девочку. Сел рядом. Спина болела немилосердно.

Картер что-то записывала в блокнот. Дэниел сидел, пододбрав ноги, и смотрел на площадь. Тил'к стоял на страже, хотя охранять было не от кого.

На площади жизнь возвращалась. Ополченцы и джаффа расходились. Медленно, неуверенно, как люди после долгой болезни. Кто-то подбирал копье и шёл к дому. Кто-то садился на брусчатку и просто сидел, глядя в небо. Двое джаффа сняли шлемы. Под ними оказались молодые лица. Усталые и растерянные. Они смотрели на ополченцев и не понимали, что делать. Ополченцы смотрели на них и тоже не понимали.

Но никто не поднял оружие. Никто.

— Знаете, что самое странное? — сказал Дэниел, не отрывая взгляда от площади.

— Что? — Джек не повернул головы.

— Они не знают, почему бой остановился. Думают, что поле было природным явлением. Божественным знаком. Они не видели, как мы их переставляли. Для них бой просто... прервался. И когда он возобновился, они оказались в позициях, где стрелять бессмысленно. И они... не стали.

— Привычка, — сказал Джек. — Они привыкли стрелять, потому что могли. А когда не могут — не стреляют.

— Это цинично, сэр.

— Это реалистично.

— Может быть. Но они говорят друг с другом. Смотрите. Вон те двое. И вон те. Они разговаривают.

Джек посмотрел. Да. Разговаривали. Тихо. Осторожно. Как люди, которые забыли, как это делается.

— Дайте им месяц, — сказал Джек. — Может, два. Они поймут, что можно не стрелять. Или не поймут. Но сегодня они не выстрелили. И это... — он замолчал. Потёр шею. — Это уже что-то.

Девочка проснулась через сорок минут. Открыла глаза, моргнула. Посмотрела на небо. Потом на Джека, который сидел рядом, привалившись спиной к колодцу.

— Ты кто? — спросила она. Голос хриплый, сонный. Детский.

— Джек, — сказал он. — А ты?

— Керан. — Она села. Огляделась. Увидела площадь. Людей. Оружие на земле. И что-то в её лице изменилось. Напряжение ушло. Плечи опустились. — Они... они не стреляют?

— Не стреляют.

Она долго молчала. Потом сказала:

— Я держала, сколько могла. Я не знала, что делать. Я просто хотела, чтобы всё остановилось. Чтобы никто не...

чтобы залп не... — Её голос дрогнул. Она замолчала. Сглотнула. — Я не знала, что делать дальше. Я просто держала. И ждала, что кто-то придёт.

— Кто-то и пришёл, — сказал Джек.

Она посмотрела на него. На его красные, сбитые ладони. На куртку, которой она была накрыта. На то, как он сидел, чуть скособочившись, потому что спина не давала выпрямиться.

— Вы их переставили, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

— Переставили.

— Как фигуры.

— Как фигуры.

Она кивнула. Медленно. Серьёзно. Как взрослая. А потом вдруг улыбнулась. Маленькой, неуверенной улыбкой. И снова стала ребёнком. Восьмилетним ребёнком в сером платье с вышитым подолом.

— Спасибо, — сказала она.

Джек кивнул. Не нашёл слов. Просто кивнул.

Они уходили через Врата час спустя. Девочка стояла на площади и махала им рукой. Ополченцы и джаффа стояли вокруг неё. Не вместе, пока нет. Но рядом. В одном пространстве. Без оружия в руках.

Джек шёл последним. Как всегда. Оглянулся напоследок. Площадь. Колодец. Девочка. Люди, которые учились жить заново.

— Полковник О'Нилл, — сказал Тил'к, шагая рядом. —

Вы в порядке?

— Я в порядке, Тил'к.

— Ваша спина.

— Моя спина в полном порядке.

— Вы хромаете.

— Я не хромаю. Я иду с достоинством.

— Вы хромаете с достоинством.

— Спасибо, Тил'к. Именно это мне нужно было услышать.

Тил'к склонил голову. В его глазах снова мелькнуло то, что было почти улыбкой.

Они шагнули в Врата. Вспышка. Вихрь. И база. Серые стены, гул генераторов, запах озона и металла. Дом.

В медотсеке Джек сидел на кушетке, пока доктор Фрейзер ощупывала его поясницу.

— Мышечный спазм, — констатировала она. — И лёгкое растяжение в поясничном отделе. Вы что, таскали мебель?

— Людей, — сказал Джек. — Живых. Тяжёлых. Семерых. Без перерыва.

— Семерых?

— Семерых взрослых мужчин в полном боевом снаряжении. Голыми руками. Потому что поле не пускало с оружием.

Доктор Фрейзер посмотрела на него. Потом на Картер, которая стояла у двери и кивнула. Потом снова на Джека.

— Полковник, вы...

— Я знаю. Я знаю, что я идиот. Мазь, пожалуйста. И не

читайте мне лекцию.

Она вздохнула. Достала мазь. Начала втирать. Джек стоял сквозь зубы.

За дверью, в коридоре, Дэниел и Картер стояли рядом. Дэниел протирал очки. Картер обнимала себя за плечи, как будто ей было холодно.

— Знаете, — сказал Дэниел тихо, — я записал узоры. На куртках. На доспехах. Я хочу вернуться. Поговорить с ними. С деревенскими. Узнать, что там произошло. Почему бой начался. Кто эти джаффа.

— Вернёмся, — сказала Картер. — Через неделю. Может, две. Дадим им время.

— Да. Время. — Он надел очки. Посмотрел на неё. — Картер, вы видели её лицо? Когда она проснулась?

— Девочку?

— Она не боялась. Она была... уставшей. Как будто держала небо на плечах. Восемь лет.

Картер молчала. Потом сказала:

— Ген Древних. Мы ищем его годами. В себе, в других. А он просыпается в ребёнке, который просто не хочет, чтобы люди убивали друг друга. И создаёт поле, в которое можно войти только без оружия. — Она усмехнулась. Горько, чуть криво. — Поле, которое пускает только безоружных. Знаете, сколько раз я пыталась смоделировать подобное? Теоретически. Ни разу не получалось. А восьмилетний ребёнок сделал это за секунду. Потому что хотел, чтобы все переста-

ли умирать.

— Не смоделировал, — сказал Дэниел. — Попросил. Картер посмотрела на него.

— Что?

— Она не моделировала поле. Она попросила. «Пожалуйста, остановитесь. Пожалуйста, не убивайте. Пожалуйста, пусть придёт кто-то без оружия и поможет». И ген услышал. И сделал.

Картер долго молчала. Потом кивнула.

— Да. Наверное. Так и было.

Из-за двери донёсся голос Джека:

— Картер! Если вы закончили философствовать, у меня тут спина отваливается и я требую горячую ванну!

— Иду, сэр!

Она пошла. Дэниел остался. Посмотрел в окно. За стеклом — серый бетон базы. Но он видел другое. Площадь. Колодец. Девочку, машущую рукой. И людей, которые учились не стрелять.

Он улыбнулся. Тихо. Про себя.

И пошёл к Вратам. Проверять, когда будет следующая миссия. Потому что где-то там, за горизонтом событий, кто-то ещё ждал, что кто-то придёт без оружия и поможет.

На планете Керан, в деревне у колодца, девочка в сером платье сидела на тёплом камне и смотрела, как бывший джаффа и бывший ополченец вместе чинили забор. Медленно. Неуклюже. Спорили, как держать доску. Но держали.

Вместе.

Залп от посоха оплавил стену дома. Чёрное пятно. Никто его не закрасил. Оставили. На память.

Чтобы помнить, что однажды кто-то пришёл без оружия. И переставил их, как фигуры. И они не выстрелили.

И этого было достаточно.

Пока что — достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.